DOI: 10.17117/na.2015.11.05.054

<http://ucom.ru/doc/na.2015.11.05.054.pdf>

Поступила (Received): 26.11.2015

Антонов И.В. О динамике «кочевой степи» в Волго-Уральском регионе в XIII – начале XV века

Antonov I.V.
On the dynamics of "nomadic steppe" in the Volga-Ural
region in the XIII – beginning of the XV century

В статье рассматривается проблема динамики расселения кочевников в Волго-Уральском регионе золотоордынского периода. Во второй половине XIII – первой половине XIV века численность кочевого населения степной полосы значительно увеличивается, а во второй половине XIV – начале XV века происходит массовое выселение кочевников на север. Кыпчакская миграция в волго-уральскую лесостепь привела к завершению формирования татарского и башкирского этносов

Ключевые слова: кочевники, Волго-Уральский регион, Золотая Орда

In article describes a problem where the dynamics of resettling of nomads in the Volga-Ural region of the Golden Horde period. In the second half of the XIII – the first half of the XIV century the number of nomadic populations of steppe zone is significantly increased, and in the second half of XIV – early XV century occurs the mass eviction of nomads to the North. The Kipchak migration in the Volga-Ural forest steppe led to the completion of the formation of the Tatar and Bashkir ethnicities

Key words: nomads, Volga-Ural region, Golden Horde

Антонов Игорь Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент
Уфимский научный центр Российской академии наук

Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6

Antonov Igor Vladimirovich

Candidate of historical sciences, Senior lecturer
Ufa scientific centre of Russian academy of Sciences
Ufa, K. Marx st., 6

В.А. Ивановым в 1995 г. была поставлена проблема динамики «кочевой степи» в Урало-Волжском регионе, под которой имеются в виду «территориальные масштабы расселения кочевников в регионе и их изменения во времени, главным образом, в северном направлении» [1, с. 20]. Настоящая статья посвящена рассмотрению этой проблемы по данным археологических и нарративных источников золотоордынского периода, применительно к которому выражение «кочевая степь» является уже не вполне точным, так как в степи возникает и оседлость, т. е. нарушается былая экономико-географическая монолитность, но в этнокультурном плане «степь» по-прежнему сохраняет свою особость.

В.П. Костюков следствием монгольского завоевания считает «рассеяние и вытеснение кыпчакского элемента на периферию Дешт-и-Кыпчака» [2, с. 142]. Не подвергая сомнению этот тезис в принципе, необходимо отметить, что, если иметь в виду северную периферию волго-уральской части Дешт-и-Кыпчака, то

никаких признаков массовой миграции кочевников вообще, а тем более кыпчаков, мы здесь в XIII в. не видим. Напротив, в первой половине золотоордынского периода (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.) количество памятников в степи резко увеличивается по сравнению с домонгольским периодом (конец XII – первая половина XIII вв.). Во второй половине золотоордынского периода (вторая половина XIV – начало XV вв.) наблюдается сокращение количества памятников в степи по сравнению с первой его половиной, но их все же было значительно больше, чем в домонгольском периоде [3, с. 274-279, карты 1-3]. В степном Поволжье к периоду конца XI – начала XIII вв. относится около 3,5% всех захоронений средневековых кочевников (конца IX – начала XV в.), а к золотоордынскому периоду – 90,1%, причем из погребений этого времени 64,8% отнесены к золотоордынскому языческому периоду, а к золотоордынскому мусульманскому – 35,2% [4, с. 239-242]. Все это можно объяснить только таким образом: если в первой половине золотоордынского периода (раннезолотоордынский языческий период) происходит массовое заселение волго-уральской степи пришельцами как с востока, так и с запада, то во второй его половине (позднезолотоордынский мусульманский период) и позже происходит массовое выселение кочевников отсюда на север. В это время все южные районы Чувашского Поволжья и Закамье «были превращены в «дикое поле», в кочевья степняков» [5, с. 93]. Так пишут историки без ссылок на археологические источники того времени, которых просто нет, что и соответствует выражению «дикое поле». С середины XIV в., как известно, начинается массовое переселение болгар из Закамья в Предкамье, единственной возможной причиной чему могло быть давление кочевников. Р.Г. Фахрутдинов уточняет, что определенная часть болгарского населения все-таки сохранилась в своих исконных землях в XV в. и даже позднее [6, с. 75-77]. Именно культурным влиянием этого населения на степных пришельцев, очевидно, и объясняется то обстоятельство, что следы массовых перемещений кочевников в Закамье во второй половине золотоордынского периода археологией не прослежены. Их раннемусульманский погребальный обряд после расселения на новых местах в иной этнокультурной среде очень скоро избавился от еще остававшегося основного языческого пережитка – сооружения курганов.

В Закамье кочевники обосновались надолго. Антоний Дженкинсон в 1558 г. писал: «Вся земля на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и далее по северному и северо-восточному берегу Каспийского моря, граничащая с землей татар туркменов, называется землей мангатов или ногайцев» [7, с. 192]. Согласно шежере башкир племени юрматы, ногайцы в давние времена «кочевали во все стороны земель [по долинам рек] Зай и Шешма» [8, с. 31], т. е., как в Западном, так и в Восточном Закамье. Они-то, тем более, уже не практиковали курганный погребальный обряд.

Нигде, кроме как в Булгарии, степные пришельцы не сталкивались со столь сильным воздействием ислама. Погребальный обряд болгар, начиная с XV в., был мусульманским [9, с. 212]. Е.А. Халикова, специально занимавшаяся его изучением, заключает, что все изученные ей «булгарские могильники второй половины домонгольского периода, не только столичные – Билярские, но и

сельские, где в общей сложности исследовано около 250 захоронений XII – начала XIII вв., обнаружили очень выдержанный «ортодоксальный» мусульманский погребальный обряд» [10, с. 123-124]. Особенно важно то, что «изучение сельских некрополей Волжской Булгарии X – начала XIII вв. опровергает широко распространенное в исторической литературе мнение будто бы исламизация в Волжской Булгарии домонгольского периода носила поверхностный характер и затронула лишь феодальные верхи и отчасти городское население» [11, с. 59]. Рубрук в XIII в. отметил, что булгары – «самые злейшие саррацины, крепче держащиеся закона магометова, чем кто-нибудь другой» [12, с. 96]. В таких условиях кыпчаки или другие кочевники, попадавшие в среду местного населения, как отмечает С.Х. Алишев, «беспрекословно должны были подчиняться его канонам». «Мусульманская махалла (приход) заставляла всех пришедших и осевших здесь людей выполнять все обычаи, нравы и требования общины. Поэтому в таких условиях слабо проявились и развивались культурные традиции кипчаков» [13, с. 22]. Поэтому миграция кочевников, быстро переходивших на ортодоксальный обряд погребения, в археологии практически неуволима.

В самой степной полосе в позднезолотоордынском периоде наблюдаются не только количественные, но и качественные изменения. В это время, помимо курганов, там появляются две новые разновидности погребальных памятников. Это кирпичные мавзолеи, известные как на Волге [14], так и в урало-казахстанских степях [15], а также грунтовые захоронения. Из памятников низовьев Волги в качестве примера последних можно привести раннемусульманский могильник Кан-тюбе, исследованный Е.В. Шнайдштейн в 1969 г. у с. Чаган Астраханской области. Памятник «относится к числу грунтовых или во всяком случае он был переходного типа от курганного обряда – к могилам без насыпей, вероятно, небольшие насыпи, до наших времен не сохранившиеся, над могилами были». Еще один грунтовый могильник в Юго-Восточной Европе был изучен И.В. Синицыным у с. Басы и датирован XIV в. Большинство погребений было без вещей, но в некоторых они, как и кости коня, еще имелись [16, с. 79-80]. Переход кочевников Поволжья к бескурганному обряду погребения на массовом материале можно проследить по памятникам окрестностей золотоордынских городов. Так, в округе Укека известно 209 хорошо документированных грунтовых захоронений, для которых наиболее характерна северо-западная, западная и юго-западная ориентировка погребенных, присущая основной части городского мусульманского населения Золотой Орды, тогда как подкурганных – всего 97 с абсолютным преобладанием западной ориентировки [См.: 17, с. 133-159]. Несколько грунтовых захоронений было исследовано на правом берегу р. Илек в Соль-Илецком районе Оренбургской области. По погребальному обряду они близки позднейшим подкурганным захоронениям, известным в этой же местности, и предположительно отнесены к концу первой половины II тыс. н. э. [18, с. 141]. Случаи перемещения носителей традиции сооружения кирпичных мавзолеев на северную периферию степи фиксируются как в Поволжье – мавзолеи города Мухши-Наровчата XIV – первой половины XV в. [19], так и на Урале – мавзолеи в совхозе им. Свердлова Тоцкого района Оренбургской области золотоордынского времени [20, с. 173-178], мавзолеев Бэндэбикэ в Кугарчинском районе

Республики Башкортостан XIV в. [21, с. 185], мавзолеи в Челябинской области – Троицкий, Варнинский (Кесене), у Верхнеуральска XIV в. [15, с. 151-158]. Приведенные примеры весьма показательны, но довольно немногочисленны, ибо мавзолеи являлись погребальными памятниками знати, а «до нас дошла лишь небольшая их часть» [15, с. 157-158]. Еще труднее проследить процесс миграции на север рядовых кочевников, перешедших в связи с исламизацией к бескурганному обряду погребения.

На конец 1980-х гг. самым поздним из известных в Волго-Уральском регионе курганов являлся курган 21 из могильника Калиновка, датируемый монетой Пулад-хана (1407-1412 гг.) [22, с. 71]. Этот Пулад был подставным ханом при Едигее. Интересно, что западные источники свидетельствуют об активной религиозно-миссионерской деятельности последнего. Испанский посол ко двору Тимура Руи Гонсалес де Клавихо в своем дневнике записал: «А этот Едегуй обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета» [23, с. 144]. Венецианский купец Иосафат Барбаро в своем «Путешествии в Тану», рассказывая о событиях 30-х гг. XV в., пишет: «Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпчатым истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея» [24, с. 140]. Чуть ниже Барбаро снова упоминает Едигея, «при котором Татария обратилась в магометанскую веру» [24, с. 141]. Таким образом, в начале XV в., в период правления Едигея, в Золотой Орде завершается процесс исламизации рядового кочевого населения, результатом чего явилось исчезновение курганного погребального обряда.

Таким образом, миграция носителей кыпчакского языка в волго-уральскую лесостепь не может быть сколько-нибудь представительно прослежена по материалам подкурганных захоронений, что отнюдь не умаляет ее значения в этногенезе современных кыпчакоязычных народов региона.

Проследить изменения в размещении населения по данным археологии зачастую, действительно, очень сложно. В.А. Могильников пишет: «Надо полагать, что быстрая трансформация материальной культуры в ходе переселений и происходивших при этом смещений сильно меняла облик отдельных первоначальных культур, что сильно осложняет решение вопросов происхождения вновь образовавшихся культур и определение их этнической принадлежности» [25, с. 89]. Это особенно характерно для перемещений кочевников [См.: 26, с. 213-214]. В нашем случае дело обстоит еще сложнее, так как образовавшиеся в результате их миграции на север археологические культуры как таковые вообще не выделены, поскольку памятники моложе XIV в. почти не известны. Поэтому речь может идти только о культурах этнографических, сохранившихся и по сей день. А.А. Шенников отмечает, что «в любом случае на новом месте хозяйственно-бытовой уклад определялся не традициями, принесенными со старого места, а физико-географической и демографической обстановкой на новом месте. Традициями могло определяться многое другое – язык, духовная культура,

многие второстепенные элементы материальной культуры, не связанные непосредственно с производством (праздничная одежда, украшения и др.), но не тип хозяйства, не основная производственная часть материальной культуры и не хозяйственно-бытовой уклад» [27, с. 88]. Такие элементы материальной культуры, происхождение которых связывается с кыпчакским компонентом, выявлены в этнографии как поволжско-приуральских [28, с. 79-80; 29, с. 122], так и сибирских татар [30, с. 13]. У находящихся в центре башкир пережитки «классической» степной культуры сохранились в наиболее полном и чистом виде, что объясняется отсутствием прочных оседло-земледельческих традиций на территории Башкортостана. Но сама эта «классическая» степная культура за пределами степи не сохранилась. Р.Г. Кузеев пишет, что культура (имеется в виду хозяйственно-культурный тип), поскольку она всегда антропогенна, «есть, одновременно, процесс и результат взаимодействия человека и природы», но человек во взаимодействии с природной средой выступает всегда не в одиночку, а в этническом сообществе [31, с. 137, 139]. Таким образом, выходцы из степи вынуждены были в процессе взаимодействия с новым природным окружением и старым аборигенным населением выработать иной хозяйственно-культурный тип. В этой связи апелляция «булгаристов» к оседлому хозяйственному укладу татар, что якобы свидетельствует об их автохтонном происхождении, не представляется убедительным аргументом. Это свидетельствует не в пользу лишь радикального «татаризма», отрицающего существенную роль булгар в татарском этногенезе. Самим булгарам, кочевническо-скотоводческий хозяйственно-культурный тип которых в Волго-Камском бассейне был непригоден, пришлось «адаптироваться не только в хозяйственном, но и в этнокультурном отношении, что и прослеживается на археологическом материале ранней Волжской Болгарии конца IX – начала X вв.» [32, с. 66]. Такая же адаптация постигла позднее и пришлых татар – золотоордынских кочевников, чем был ускорен процесс их исламизации. Ф.А. Шакурова отмечает, что «ислам исторически сложился в качестве городской религии», он «не только требовал от правоверных оседлости, он требовал признания города в качестве особого духовного центра», что шло «вразрез с психологическими установками кочевников», у которых «статус как самого города, так и городской жизни был предельно низким» [33, с. 88-89]. Устойчивые традиции оседлости и городской жизни не могли не повлиять на кочевников, поселившихся на территории бывшей Волжской Болгарии. Но для изменения образа жизни требовалось изменить психологию.

Л.Н. Гумилев писал: «Не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые [34, с. 61]. Ибо человек, в отличие от животных, «заселяя новый регион, меняет не анатомию или физиологию своего организма, а стереотип поведения. Но ведь это значит, что он создает новый этнос!» [34, с. 177]. Миграция кочевников по времени как раз совпала с их исламизацией, которая получила дополнительный импульс под воздействием со стороны местного населения лесостепного Поволжья и Приуралья, где практиковался бескурданный

обряд погребения. Это и есть показательный пример смены этнического стереотипа поведения мигрантов. А новые этнические варианты оказались очень устойчивыми. Это современные этносы башкир и поволжско-приуральских татар, состоящих из субэтносов казанских татар и татар-мишарей.

Таким образом, при рассмотрении проблемы жизнеобеспечения переселенцев на новой территории расселения «необходимо учитывать физическую (материальную) и психическую (духовную) стороны адаптации» [35, с. 86].

Список используемых источников:

1. Иванов В.А. Динамика «кочевой степи» в Урало-Волжском регионе в эпоху древности и средневековья // Курганы кочевников Южного Урала: сборник научных статей. Уфа: Гилем, 1995. С. 20-39.
2. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 178 с.
3. Антонов И.В. Этнокультурная история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. Диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 287 с.
4. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
5. Дмитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой орды // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. I. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 85-94.
6. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татарское кн. изд-во, 1975. 219 с.
7. Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней / Сост. В.И. Вардугин. Саратов: Надежда, 1996. 688 с.
8. Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1960. 304 с.
9. Смирнов А.П. Волжская Болгария // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 208-212.
10. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986. 160 с.
11. Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 39-59.
12. Путешествие Вильгельма де Рубрук // Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб., 1911. С. 63-178, 189-201, 211-219.
13. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
14. Пигарев Е.М. Новые памятники золотоордынской эпохи в Астраханской области // XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апреля 1996 г.): тезисы докладов. Ч. II. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 106-108.
15. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. I: сборник статей. Уфа, 1995. С. 148-165.
16. Шнайдитейн Е.В. Некоторые проблемы развития скотоводства юго-восточной Европы в эпоху средневековья // Вестник Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории № 9. Серия историческая. Элиста, 1974. С. 69-81.
17. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
18. Исмагилов Р.Б. Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. I: сборник статей. Уфа, 1995. С. 136-147.
19. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // Советская археология, 1973, № 2. С. 226-237.
20. Попов С.А. Тайны Пятимаров: Очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1982. 248 с.
21. Мажитов Н.А., Яминов А.Ф. Раннемусульманские надгробные памятники – мавзолеи Башкирии золотоордынского времени // Башкирский край и его народы: тезисы республиканской конференции. Уфа, 1990. С. 183-185.

22. Иванов В.А., Кризер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с. 23.
23. Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406) / Перевод, предисловие и комментарий И.С. Мироковой. М.: Наука, 1990. 211 с.
24. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
25. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири: сборник статей. Томск, 1983. С. 77-89.
26. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 344 с.
27. Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л.: Наука, 1987. 142 с.
28. Воробьев Н.И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Происхождение казанских татар: материалы сессии. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 62-80.
29. Мухамедова Р.Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей по данным этнографии // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г. Казань, 1971. С. 119-123.
30. Валеев Ф.Т.-А. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 208 с.
31. Кузеев Р.Г. Этнос и культура в долинах Агидели // Живая память: краеведческий сборник. Уфа: Китап, 1997. С. 136-145.
32. Ковалева Н.В. Культурно-ландшафтные условия формирования раннефеодальных государств Восточной Европы // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: тезисы докладов. Уфа: Восточный Университет, 1996. С. 65-66.
33. Шакурова Ф. Менталитет кочевника и ислам // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: сборник статей. М., 1998. С. 85-91.
34. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. 512 с.
35. Шаяхметов Ф.Ф. Человек, хозяйство и природа: на примере башкир // Этнос и природа. Проблемы этноэкологии. Уфа: Гилем, 1999. С. 83-104.

© 2015, Антонов И.В.

О динамике «кочевой степи» в Волго-Уральском
регионе в XIII – начале XV века

© 2015, Antonov I.V.

On the dynamics of "nomadic steppe" in the Volga-
Ural region in the XIII – beginning of the XV century